

Я напишу ТВОЮ СМЕРТЬ

Екатерина
Северная

Екатерина Северная

Я напишу твою смерть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101277

ISBN 9785005046512

Аннотация

Я препарирую самые невероятные события и ситуации, я собираю коллекцию сокровенных сюжетов... Хочу немного поиграть с читателем в игры. Заглянуть за грань, недоступную большинству людей. Я стану первопроходцем в литературе... который осмелился создавать сюжеты, конфликты, персонажей, диалоги – не на бумаге, а в самой жизни!

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	40
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	49
Часть 2	51
Глава 1	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Я напишу твою смерть

Екатерина Северная

© Екатерина Северная, 2019

ISBN 978-5-0050-4651-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

За редактирование книги и очень важные правки в юридических аспектах благодарю моего папу.

За бета-чтение и поиск опечаток благодарю мою маму.

За стильный буктрейлер благодарю мою подругу Елену К.

За атмосферную музыку, написанную к буктрейлеру, за образ главного положительного героя, а также за поиск опечаток в тексте благодарю моего мужа.

За «идеальное убийство», которое я записала практически слово в слово в одном из эпизодов, а также за образ полицейского, благодарю Андрея И., моего товарища по боксу.

За полезную консультацию по ряду вопросов благодарю Павла Ш., моего тренера.

Пролог

«Её крик до сих пор звенит в моих ушах, шершавый и острый, как колючка, раздражая уставшее, потрёпанное сознание и мешая сосредоточиться на деле. «Пожалуйста, не надо! Эдди, не надо!». Фу. Как банально и как пошло. Как в дермовом криминальном триллере. Она стояла в красном платье, бледная, как стена, к которой она зачем-то изо всех сил прижималась, будто пытаюсь продавить в ней портал в другое измерение и телепортироваться туда, подальше от меня и моего револьвера. Всегда любил старинное оружие. В нём чувствуется душа и своя особая эстетика. Прекрасный револьвер системы Нагана образца 1895 года с семью зарядами, разработанный специально для Российской Империи. Дивный момент. Она сейчас так красива, так наполнена жизнью, огнём, ужасом и страстью, что с неё можно картины писать, а уже совсем скоро она примет ту же чудную позу, что и женщина с картины Якуба Шиканедера «Убийство...».

«Не двигайся, – приказал я, – Только шевельнёшься – выстрелю». Мне надо поймать этот миг. Мне надо его зафиксировать. Сохранить. Иначе потом забуду. Одним прыжком я подлетаю к столу и раскрываю ноутбук. Продолжая держать её на прицеле, одной рукой хаотично и сумбурно набираю текст: «У неё под ногами рассыпались розы... случайно наступила на одну из них... Её светлые локоны размета-

лись, один из них прилип к влажному лбу...». Проклятые опечатки, будь они неладны! Но это так, наброски. Помогут мне в дальнейшей работе. «Эдди, ты же знаешь, как я тебя любила...». «Заткнись!». «Ты же знаешь, как я раскаиваюсь в том, что ушла от тебя...». «Заткнись, не мешай мне!!». Я оторвал взгляд от экрана, плеснул себе в стакан односолодовый виски Glenlivet с привкусом 12-летней тоски в деревянной бочке и залпом осушил его. Потом набросал ещё пару строк. Так, неплохо. Продолжим.

Я встал из-за стола и медленно подошёл к ней, поигрывая револьвером. Её глаза заблестели, будто в них напихали кристалликов льда. Плечи напряглись и замерли, а нежные кисти рук слегка задрожали. В своё время эти руки принесли мне немало блаженства... «Неужели ты думаешь..., – вкрадчивым голосом проговорил я, – Что мне не всё равно? Да плевать я хотел! Ложись ты под кого хочешь – мне наплевать!», – заорал я. Кристаллики льда растаяли и покатались по щекам. Она прижала ладони к лицу: «Тогда почему?!». Я приблизился к ней и начал ласково водить револьвером по её мраморному, точёному лицу: «Я хочу узнать, как это бывает. Когда убиваешь того, кого любишь. Хочу прочувствовать. Давай же, малыш... больше экспрессии... покажи мне, как тебе страшно». Я вытянул руку и уткнул дуло ей в висок.

«Подожди, подожди. Тебе ведь это нужно для романа? Пожалуйста, расскажи мне о нём!», – ты с надеждой ухвати-лась за эту мысль, как за спасительную соломинку. Надеешь-

ся потянуть время? Понимаю. Только это тебе не поможет. Времени у нас предостаточно. Нам спешить некуда. Я знаю, что сюда никто не придёт. Твой новый друг сейчас далеко. Он тебе не поможет.

«Хорошо». Я вернулся обратно к столу, плеснул в стакан ещё виски и снова подошёл к тебе: «На, выпей. И, если хочешь, можешь выкурить сигарету. Только не смей двигаться. Стой здесь. А я пока расскажу тебе». Я уселся в кресло и наблюдал, как ты дрожащими руками пытаешься закурить. Сигарета выпала из твоих скрюченных пальцев. Ты дёрнулась было, чтобы её поднять, но я крикнул: «Не двигаться, я сказал!!!», поднялся с места, подал тебе новую сигарету, щёлкнул зажигалкой и вновь развалился в кресле.

Ты нервно втягивала в себя дым и жадно глотала плещущийся в бокале виски, а я рассказывал тебе о своём новом романе. О, я так увлёкся, что чуть не забыл про револьвер в моей руке! Я рассказывал с таким всеобъемлющим восторгом и азартом, изо всех стараясь зажечь тебя своим интересом... Но я не замечал его на твоём лице. Ты ведь даже не слушала. Чёрт, ты даже не слушала!!! Я знал, о чём ты думаешь. Я видел, как твои глаза украдкой ползут по комнате в жалких попытках отыскать спасение.

Возможно, я бы передумал. Возможно, моя рука бы дрогнула. В ту минуту я мог просто уйти. Я почти решился на это. У меня уже достаточно материала. Я физически прочувствовал твой страх. Я ощутил присутствие смерти. Я получил

всё, что хотел. Теперь мы квиты. Мы квиты, а у меня есть новый бесценный опыт. Я собрал все твои эмоции до единой и нанизал их на нитку. Я проткнул каждую жемчужину и вытер выступившие из них капельки крови. Я сделал прекрасное, дорогое и редкое ожерелье. Но... Ты вдруг начала орать «Чёртов псих!!!», швырнула стаканом мне в голову и зачем-то набросилась на меня. По моему лицу потекла кровь.

Ты зря это сделала. Зря. Я ведь почти отпустил тебя. Я ведь всё-таки не хотел тебя убивать. Не хотел. Всё это было не всерьёз. Я больше шутил. А так мне ничего не оставалось, кроме как дёрнуть спусковой крючок. Ты не оставила мне выбора».

Писатель Гудвин

Молодой мужчина с ясными светлыми глазами захлопнул ноутбук, вскочил с места, потёр ссадину на брови, из которой уже второй день сочилась кровь, и бросился в прихожую, бормоча:

– Теперь я наконец знаю, кто ты, сумасшедший ублюдок!

Часть 1

Глава 1

«Каждую ночь. Понимаете? Сколько себя помню, он приходил каждую ночь. В то время как я весь съёживался под своим до тошноты милым детским одеяльцем с розовыми медведями и боялся даже вздохнуть, он просто стоял в углу комнаты и не отрываясь смотрел на меня. Я не знал, что ему было нужно; впрочем, не знаю и теперь. Я целиком и полностью отдавался своему ужасу. Родители мне не верили, в ответ на мои робкие просьбы оставить на ночь включённым торшер они кричали, что, если я буду потакать своим надуманным страхам, из меня вырастет слабак и ни на что не годный в этом мире неудачник. Я прикусывал губу и молча шёл спать. И весь сжимался под одеялом. Так было ровно до моего двенадцатого дня рождения. А потом я привык.

Смотрит – и пусть себе смотрит.

У меня есть дела поважнее. Именно тогда я принялся за первый в своей жизни роман.

Мой первый роман вышел на удивление глупым, бессмысленным и наивным – впрочем, разве у детей бывает иначе? Какие-то там наркотики, самоубийства, угрозы и преследования – и всё это на фоне первых поцелуев. Дикая ме-

шанина из зашкаливающих гормонов пубертатного периода, неудержимого желания творить и ничтожно малого жизненного опыта.

Надо заметить, к слову, что я вовсе не был изгоем. И меня даже не считали чудачком. С виду я был как все. Обычный парень со своими увлечениями, влюблённостями, двойками по алгебре и сигаретами, выкуренными на берегу реки после школы.

Я никому не рассказывал о том, что пишу книги.

И о том, что он смотрит на меня каждую ночь».

Эдвард Вознесенский

Глава 2

– Я была просто очарована вашим блогом. Это так смело – обнажать душу перед совершенно незнакомыми людьми, – с лёгким придыханием произнесла молодая женщина и несколько манерно приподняла бокал красного сухого.

– Как видите, это легко исправляется. Пара сообщений – и вот мы уже очень даже знакомы.

Она засмеялась, чуть наклонив голову и кокетливо сверкнув глазками. Игривый светло-золотистый кавалер оценил эту изысканную картину, она небрежным и лёгким, тщательно выверенным жестом откинула его в сторону.

Уж очень хотелось произвести на него впечатление. А как же: известный в определённых кругах писатель, не с мировым, конечно, именем, однако уже сейчас его книги гордо красуются в витринах центральных книжных магазинов культурной столицы, мимо которых то с важным видом курсируют иностранцы, то вальяжно проходят местные интеллигенты, одобрительно цокая языками. При этом ему ещё нет и сорока. Кто знает, что будет дальше.

– Это правда, что однажды вы кинулись в ледяную воду и спасли человека? – томно прищурив глаза, светским тоном поинтересовалась блондинка.

– Да. Об этом даже в газетах писали. Я был тогда гораздо

моложе, мне ещё и тридцати не было. Просто гулял весенним вечером по городу, ну, знаете, в поисках вдохновения; проходил по мостику через Фонтанку, и тут вижу – пьяная девушка падает с палубы катера, а тот, ничего не замечая, продолжает нестись вперёд. Она визжит, машет руками, глотает воду и начинает тонуть. Я, недолго думая, скинул пальто, перелез через парапет и бросился в реку.

– И не побоялись..?! – восхищённо воскликнула красавица.

– Я тогда не думал об этом. Не было времени. Кинулся следом, подплыл к ней, схватил её... И чувствую, как от ледяной воды руки и ноги сводит. Сам начинаю захлёбываться. А думаю только о том, как бы её на плаву удержать, голову её над водой поднимаю...

– Вы – настоящий герой!

– Да что вы. Так поступил бы любой мужчина на моём месте. Мне повезло, что нас с экскурсионного кораблика заметили. Спасательный круг скинули, на палубу затащили. Правда, провалялся я потом в постели три недели. Воспаление лёгких схватил.

Молодая женщина восторженно смотрела на своего собеседника чуть влажными глазами. Прочитав все его романы и смутно догадываясь о его предпочтениях, она изо всех сил старалась соответствовать образу загадочной роковой красавицы, который так часто встречала на страницах его книг. Она надела своё любимое красное платье с ассиметричным

подолом, которое целомудренно прикрывало колени, однако плотно облегалo силуэт, давая тонкие и в то же время недвусмысленные намёки на подтянутый животик, упругие бедра и грудь того размера, которая легко помещается в мужскую ладонь и приятно наполняет её.

– Говорят, вы ещё благотворительностью занимаетесь...

– Если честно, стараюсь это не афишировать. Но читатели всё равно как-то об этом узнают. Это правда, каждый месяц я перевожу определённые суммы детским домам и больницам. Считаю, что это – святая обязанность каждого успешного человека, каждого, кто располагает хоть сколько-нибудь свободными суммами денег. Вы согласитесь со мной?

– Конечно. То, что вы делаете – прекрасно.

Их беседу прервало пронзительно-откровенное соло саксофониста, затрагивающее самые отдалённые, самые потаённые уголки души. Блондинка замерла в безмолвном восторге, вся растворяясь в музыке, а её спутник чуть отвернулся и украдкой зевнул. Потом вдруг весь подался вперёд и сжал в своих влажных ладонях её маленькие, изящные ручки.

– Я понимаю, мы едва знакомы, и всё здесь располагает к некому официозу... Весь этот джаз и вон, посмотрите, у них даже контрабасист с бабочкой... Я понимаю и совсем не хочу нарушать эту идиллическую атмосферу. Но давайте всё-таки перейдём на ты?

– Я только за, – отправила ему красавица свою самую очаровательную улыбку.

Глава 3

«Сегодня я опять проснулся в половине четвёртого утра и уже не мог более забыться. Мне в самых сочных красках привиделось, как я стал свидетелем убийства. Причём какого: один человек расстрелял из автомата другого человека, выпустив в него целый магазин патронов, от которых тот стал разлетаться на части, пока не превратился в горку кровавых кусочков мяса. И почему-то они рассыпались не в разные стороны, а собирались все вместе, будто их смели граблями в кучу, как ворох осенних листьев.

Мне определённо нравится эта женщина. Никто и никогда не слушал меня так, как она. Обычно все они жадно смотрят мне в рот и охотно кивают, раскачивая головой из стороны в сторону, как тряпичные болванчики, и растягивают губы в нелепой улыбке до ушей ещё прежде, чем я успеваю выговорить хотя бы слово. Уж не знаю, что на них действует больше: моя так называемая слава (ну как же, три раза показали по телевидению!) или моя сногсшибательная харизма. Она же слушает молча, внимательно, неподвижно. Ни одна эмоция не отображается на её лице. Зато я вижу, с каким интересом она следит за ходом моих мыслей. Кроме того, она прочитала весь мой электронный дневник – от и до. Уверен, она и сейчас читает эти строки. Ну что ж. Я обещал своим читателям быть искренним до конца. Я привык выворачивать

вать здесь душу наизнанку. И пусть меня многие ненавидят за это, зато другие с упоением следят за моими скромными «мемуарами» и присылают восторженные отклики.

Если Ты здесь. Знай. Я с большим нетерпением жду того момента, когда смогу узнать вкус Твоих губ. И не только губ. Моя кровь начинает стучать в висках быстрее, рефреном по венам, огнём по глазам, лезвием по сердцу. Надеюсь, Ты улыбаешься, читая эти строки».

Эдвард Вознесенский

Глава 4

– А это ты тоже во всех подробностях опишешь? – томно спросила обнажённая красавица, переворачиваясь на живот и сладко нежась в постели. Её горячая, чуть влажная кожа слегка прилипала к чёрным шёлковым простыням с изображениями огромных ярко-красных маков.

– Если тебе это неприятно, то не буду, – лениво потянулся мужчина в мятой рубашке. Его брюки валялись рядом с кроватью. Слегка приподнявшись на локте, он небрежно наклонился за ними и вытащил пачку сигарет «Сенатор». И, в лучших манерах киношных сцен, откинулся на спину и закурил.

– Нет, почему же, я очень даже не против.

– Да ты латентная эксгибиционистка.

– Как и ты. Только не умею столь изящно выражать свои мысли на бумаге!

Она засмеялась очаровательно звонким смехом, в то время как он внимательно разглядывал её лицо, словно пытаясь разложить его на овалы и линии, чтобы потом начертить карандашом по памяти.

Смех вдруг оборвался. На секунду её испугал лихорадочный блеск его глаз, которые сверкали в темноте, как два глубоких карих костра, угрожающих сжечь всё на своем пути. Но через мгновение он улыбнулся, и она тут же расслабилась, любуясь его не в меру обаятельной улыбкой и мокрой

прядью чёрных волос на лбу.

– Может, откроешь мне наконец своё настоящее имя? – прошептала она на прощание, приподнявшись на цыпочки и погружая свой влажный горячий язык в его ухо.

– Чем тебя Эдвард не устраивает? – холодно поинтересовался он, оставив её язык без внимания.

– Это ведь псевдоним, – она вытащила язык из уха и ласково прикусила его шею.

– Нет. С чего ты взяла. Просто мои дорогие родители были слишком большими оригиналами, – слегка отстранился он и пожал плечами.

Едва за красавицей закрылась дверь, он схватил ноутбук и написал: «Секс – истинный апофеоз мироздания! Лучше секса может быть только фокстрот; впрочем, я не умею его танцевать».

Глава 5

Хозяин маленького бара на Садовой явно предпочитал минимализм, да и экономить умел. Обитые грубыми неотёсанными досками стены с оборванными кусками коры; лампы советских времен, свисающие с потолка на чёрных проводах; добротные деревянные стулья и внушительные тёмно-серые квадратные столы, выкрашенные «морилкой» – вот и всё, что составляло дизайнерскую концепцию интерьера. За барной стойкой под тусклым освещением ламп сидели двое мужчин средних лет.

Один – прямой и напряжённый, как пружина или натянутая струна, готовая в любой момент оборваться и вышибить музыканту глаз. Он весь состоял из острых, резких линий; его движения были порывистыми и строго геометрическими, как равнобедренные треугольники. Несмотря на то, что в баре было тепло, он не снимал своего чёрного пальто стоимостью в целую зарплату среднестатистического обывателя. Пальто подчёркивало некоторую его худобу, а небрежно свисающий как-то отдельно шарф изо всех сил демонстрировал творческий склад и утончённость натуры. Создавалось странное впечатление, что этот образ тщательно готовился и выверялся вплоть до каждой мелочи, будь то часы «Ролекс» на руке или покосившаяся металлическая пряжка на замшевом ботинке.

Второй – полная противоположность своему собеседника. Округлый и мягкий, слегка полноватый, с широкими и плавными неторопливыми жестами, со скинутой небрежно на соседний стул курткой, в расстёгнутой на несколько пуговиц рубашке...

– Твою ж мать!!! Как так получилось? Только что я был свободен, как шквальный ветер на Северном Полюсе, и вдруг – бах! – в моей просторной трёшке появляется какая-то женщина. Со всеми своими грудями платьев, скляночек и духов. Это выглядит трогательно лишь на страницах романов. А на деле это...

– Не какая-то, а настоящая красotka, и к тому же не такая экзальтированная дура, как все твои предыдущие увлечения. Извиняй, приятель, если что! И потом. Сам ведь говорил, что впервые за долгое время у тебя там что-то ёкнуло, – перебил писателя его друг и по совместительству издатель, делая солидный глоток пива.

– Ёкнуло, ну это да. Но ты же знаешь – мне слишком дорога моя свобода. Другая у меня жизнь, другая. Не нужна мне эта ответственность. Не хочу даже думать о семье и всяком таком.

– Хочешь знать моё мнение? Вот честно – ты болван, Эд. Что ты там несёшь про свободу в свои тридцать семь? – издатель залпом допил свой стакан и нетерпеливо застучал пальцами по деревянной стойке, стараясь привлечь внимание бармена.

– Это не моё.

– Тогда на черта ты ей предложил жить вместе?

– Я не предлагал. Она сама. Я же говорю!!! Сам не понял, как так получилось.

Эдвард с раздражением запрокинул голову назад, размял пальцами шею, потом слегка смочил губы в пиве и поморщился:

– Мерзкая кислятина, – он небрежно отодвинул от себя стакан и быстрым взглядом скользнул по лицу подоспевшего бармена, – Налейте английского эля.

– Тебе не угодить, – заметил издатель.

– Нефильтрованное пиво слишком часто бывает кислым.

Уж лучше тогда пить виски.

Бармен налил эля и с тоской посмотрел на часы, мысленно отсчитывая время до окончания смены.

– Как продвигается твоя новая книга? – как будто между делом, но слегка напряжённо спросил издатель.

Эдвард выждал театральную паузу, прежде чем ответить. Покрутил головой, похрустел пальцами, смочил губы в горьком напитке насыщенного янтарного цвета.

– Пока никак.

– Что значит никак? Мы подписали договор на неё три месяца назад, весь тираж предыдущего романа распродан полностью, и читатели ждут завершения трилогии... – издатель начал волноваться, и его мягкое округлое лицо вдруг приобрело неожиданно жесткие, шероховатые штрихи.

– Пусть ждут. – невозмутимо приподнял и опустил плечи Эдвард.

– Мы создали столько ажиотажа вокруг этой серии, а ты ещё даже не приступил к работе? – его собеседник нахмурился, покачал головой и прижал ладони ко лбу, уткнувшись взглядом в стакан.

– Кстати, Стас, – писатель скользнул взглядом по его лицу и тут же перевёл его куда-то вглубь бара, за плечо издателя, – Я тут подумал. Я буду писать под псевдонимом.

– Ты совсем поехал, Эд?! – Стас пролил часть пива мимо рта и, чертыхаясь, схватил целую стопку салфеток.

– Иногда, – поспешил его успокоить Эдвард. – Только часть рассказов и книг. Просто творческий эксперимент. Ничего особенного.

– Ничего особенного?! Тебе напомнить, сколько денег вложили мы в твоё имя за последние годы? – издатель принялся исступлённо тереть салфетками рубашку, – Все эти выставки, презентации, автограф-сессии... Ты...

– Спокойнее, Стас. Эй, всё в порядке. Я продолжу выполнять свои обязательства по контракту. Закончу свою авторскую серию книг. И уж конечно не буду просить издательство вкладывать средства в мой псевдоним. Я раскручусь сам, – с жаром говорил писатель, впиваясь немигающими глазами в лицо собеседника, – Просто запомни это. Публиковать рассказы буду в интернете. А когда у моего второго «Я» появятся толпы читателей – как ты думаешь, с кем я заключу дого-

вор на печать? Ну разумеется, я приду к тебе.

– Ты меня, конечно, извини, но что-то я сильно сомневаюсь, что твой псевдоним привлечёт больше поклонников, чем Эдвард Вознесенский, «мастер современной прозы, искусный знаток человеческих душ с тонким чувством юмора, изящно плетущий кружево философии из обычных жизненных судеб»... Как там тебя ещё...? – скептически покачал головой мужчина с мокрым от пива воротом рубашки.

– Гений психологических драм и надёжная опора российской литературы двадцать первого века, – охотно подсказал писатель, слегка растянув уголки губ в улыбке.

– Едва ли критики будут столь же сильно расположены к неизвестному автору из интернета. Там таких – тысячи.

– Я – это не только моё имя. Я – это то, что я пишу. И мнение критиков в наши дни мало кого волнует. Когда у меня будут тысячи восторженных отзывов от читателей, издатели в очередь выстроятся, чтобы напечатать тираж на моих условиях. А я приду к тебе, Стас. И я тебе это сейчас говорю не как издателю, а как другу.

– И какой же псевдоним ты возьмёшь?

Эдвард снова слегка улыбнулся, нервно покрутил головой, убедился, что рядом никого нет, но всё равно наклонился к самому уху приятеля, чтобы прошептать:

– Гудвин.

То ли это имя так развеселило издателя, то ли он выпил уже достаточно пива, да только он захохотал в голос.

– Это как в песне, что ли? «Писатель Гудвин был творцом строки со стажем...». Русский рок, великий и могучий..!

Эдвард зло сверкнул глазами и сжал было кулаки, однако тут же взял себя в руки и с ледяным спокойствием принялся дожидаться, когда Стас успокоится.

– У него будет весьма неординарная история, – тихо проговорил писатель, – Очень любопытная легенда. И необычная подача, новый формат. Хочу немного поиграть с читателем в игры. Никто не будет понимать, что правда, а что – проза. Я заставлю говорить о нём даже людей, далёких от литературы.

– Ну удачи тебе, Гудвин! – стукнул кружкой по барной стойке раскрасневшийся издатель, протирая влажные глаза.

– Кроме тебя об этом никто не должен знать, – вдруг схватил его за руку Эдвард, – Ты мой друг, и я рассказал только тебе.

Глава 6

Если бы не приглушённый свет бордового торшера из магазина антиквариата, в просторной спальне с панорамными окнами царила бы абсолютная темнота. В кресле перед стеклом, которое начиналось от самого пола и являло изумительный вид на ночной город с высоты двадцатого этажа, развалился мужчина. У него на коленях устроилась полностью обнажённая блондинка. Она прижималась к нему всем телом и разве что не мурлыкала, пока он небрежно поглаживал ладонью её округлую грудь и время от времени теребил сосок.

– А ты сама-то как думаешь? Почему мои книги имеют такой успех? – прищурился глаза и склонив голову, спросил он.

– Потому что твои книги интересные, Эдди. Как же иначе.

– Ну а почему именно они такие интересные, ты когда-нибудь задумывалась?

– Потому что ты гений, – она с восторгом обхватила его голову руками и вплотную приблизила своё лицо к его сверкающим горячим огнём глазам.

– Нет, не поэтому. Точнее, не только поэтому.

– Так открой же мне свой секрет, дорогой, – возможно, ему показалось, но он уловил в её голосе нотки иронии.

Молчание. Глоток белого креплёного вина, привезённого из сентябрьской поездки в Порту.

– Итак, твои книги такие интересные, потому что... – под-

задорила его она.

– Я всё это пережил на собственном опыте, – на одном выдохе выпалил писатель и как-то странно улыбнулся. Его призрачная улыбка отразилась в стекле окна и подкрасилась тусклым светом огней мегаполиса, сверкавших где-то далеко внизу.

– Всё? Что ты имеешь в виду?

– Ну, всё, о чём написано в моих книгах... так или иначе касалось меня самого. Знаешь, я не люблю что-то выдумывать. Разве можно писать о том, чего не испытал на себе сам? Разумеется, нет! Иначе это будет лишь игра слов. Пусть виртуозная, но игра. А мне всегда хотелось правды. Даже если для этого придётся вывернуть себя наизнанку и заглянуть за грань, недоступную большинству людей...

– Эдди, ты меня пугаешь. Твои шутки...

– С чего ты взяла, что я шучу? – довольно резко произнёс он и с глухим звоном ударил бокалом о стеклянный круглый столик.

– Ну потому, что этого не может быть. В твоих романах так много всего намешано...

– Повторю ещё раз. Всё, о чём ты читала в моих книгах, я пропустил через себя, через свой опыт.

– Я тебе не верю. Это немыслимо. Это... Это же... Ты это серьёзно?!

– Если тебе что-то не нравится – я тебя здесь не держу.

Женщина соскочила с его колен и начала торопливо

одеваться, нервно хлопая дверцами шкафов и размазывая по щекам злые слёзы. С минуту он молча смотрел на эту картину, внимательно и сосредоточенно, будто пытаясь запомнить каждый момент. Потом вдруг сорвался с места, подбежал к ней и обнял за плечи:

– Ну что ты, малыш. Постой. Я неудачно пошутил, а ты слишком серьёзно отнеслась к моим словам. Не будем из-за этого ссориться. Мы просто друг друга не поняли.

Она попыталась было возразить, но он заткнул её рот поцелуем и повалил на высокую круглую кровать.

Глава 7

«Ладно, всё. Хватит. Теперь поговорим без посторонних глаз. Только я и ты, дорогой читатель. Я пишу эти записи в своём тайном дневнике, который скрыт от внимания общественности. Здесь будет настоящее. Мои настоящие мемуары. Которые мои поклонники прочтут только после моей смерти – согласно моему завещанию. В этом что-то есть, не правда ли? Я уже обо всем позаботился. На случай, если я вдруг умру раньше, чем мне хотелось бы предполагать, в завещании указано, где лежит моя флешка с этими записями – и разрешение на их публикацию. Но только после моей смерти. Только после.

Мне многие завидуют. Как вам это удалось – восклицают одни. Вы – гений современной литературы – вторят им другие. Обо мне говорят, это да. Но только те, кто мнит себя принадлежащим к так называемой богеме и «высокому искусству». Какая чепуха! Разве это – та самая слава, та самая фортуна, за благосклонность которой миллионы людей готовы поступиться своими принципами и вообще всем, что у них есть? Я хочу большего. Я достоин большего. Я хочу, чтобы моё имя было на слуху не только у любителей провести пару вечеров в неделю с книжкой, стараясь оторваться от гнетущей реальности и хоть ненадолго забыться, заменяя выдуманными историями вино, секс и все прочие куда более

приятные способы забвения... Хочу, чтобы обо мне узнали всё. Даже если меня уже не будет в этой реальности.

Что толку строить нагромождения из воздушных замков и сокровенных сюжетов, расплёскивать капли дорогого 30-летнего вина в надоевшей и унылой повседневности, пытаюсь докричаться до тех, кто всё равно тебя не поймёт или извратит каждое твоё слово? Сам не знаю. Амбиции? Честолюбие? Пожалуй. У кого-то есть заоблачные цели нахватать с неба звёзд, у меня же всё гораздо проще – мне нужна известность. Я хочу, чтобы моё имя зазвучало на всю страну, а потом – и на весь мир. И никак иначе. Поэтому всеми силами я буду приближать сие событие, шагая вперёд по своему отнюдь не усеянному розами пути.

Со времен ранней юности я точно знал, что стану знаменитым писателем. Я не лелеял эту мечту долгими бессонными ночами в ожидании вдохновения – у меня вообще не было такой мечты, у меня были планы. Что, согласитесь, гораздо практичнее и даёт больший результат. Поэтому, когда мой издатель позвонил мне и сообщил, что второй тираж моей книги целиком раскуплен, и мы будем выпускать третий – я ничуть не удивился и даже почти не обрадовался. Я не скакал как сумасшедший по комнате, не бросался к издателю в объятия и не воздавал горячих благодарностей небесам. Лишь со спокойным удовлетворением я отмечал, что мой план начинает реализовываться.

Ведь сие событие абсолютно справедливо: всю свою со-

знательную жизнь я целиком и полностью отдавал себя литературе, я препарировал это искусство, изучая его изнутри и снаружи; я играл словами и разбрасывал их вокруг себя, чтобы потом раз за разом собирать обратно, складывать в мозаику прозы и склеивать, как осколки дорогой и редкой амфоры античных времен краснофигурного стиля вазопи-си».

Писатель Гудвин

Глава 8

Стрелка на изысканных настенных часах в кованой оправе из хитрого сплетения виноградных лоз замерла на цифре пять. И вроде ещё не вечер, а за окном уже зажглись холодные лампочки фонарей. Начало ноября.

Ноябрь отсекает всё лишнее, наносное, убирает все краски и предстает перед нами полностью обнажённым, во всей своей откровенной честности и прямоте. Этот месяц прекрасен именно своим упадком. Романтика декаданса, блёклые до пронзительной прозрачности тона, высокое, тоже абсолютно прозрачное небо, полное отсутствие цвета и эта всепоглощающая, такая уютная и тёплая темнота.

Эдвард надел старые джинсы, бережно провёл ладонью по рукаву своего дорогого чёрного пальто, на секунду задумался, отвернулся, вытащил из глубин шкафа самую простенькую куртку и нырнул в эту темноту улицы.

Он не помнил, как добрался до конечной станции метро, и очнулся от своих мыслей только в электричке, которая неспешно перемещала его в пространстве и времени – в ближайшие пригороды Петербурга. Эдвард сидел, смотрел на усталых людей, направляющихся с работы домой, и кусал губы. Время от времени он принимался исступлённо грызть пальцы, но, перехватив случайный взгляд кого-нибудь из пассажиров, тут же убирал руки ото рта и несколько

смущённо утыкался глазами в грязное стекло.

На ватных ногах он вышел из вагона в одном из тихих посёлков, которых так много разбросано вокруг большого города. На перроне было совсем пусто, лишь двое дедушек бомжеватого вида распивали на лавочке под фонарём бутылъ дешёвой водки. Ветер, дежурно таскавший по всей платформе пакеты и бумажки, вдруг воодушевился и яростно набросился на пластиковую бутылку, вступив с ней в битву и не успокоившись, пока ему не удалось, наконец, швырнуть её на рельсы вслед уходящему поезду.

Эдвард замешкался было, растерянно глядя на лестницу, ведущую с платформы. Он передёрнул плечами и поднял повыше воротник куртки. Нервно взглянул на часы. Ближайшая электричка обратно до Петербурга подойдёт через каких-то двадцать минут. Быть может, подождать и вернуться? Но с самого начала глубоко внутри себя он знал, что не вернётся. Пока не исполнит то, зачем приехал.

Проходили минуты, а он всё стоял, вцепившись подошвами ботинок в платформу, как в спасительный островок среди моря, полного голодных акул, и курил одну сигарету за другой. Потом, словно внезапно рассердившись, швырнул окурок в урну, промазал, прищурил глаза, скривил губы и быстрыми шагами решительно направился в полутёмный посёлок.

Найти подходящее место оказалось не так-то просто. Он слонялся от одного магазина к другому, но не видел того,

зачем сюда приехал. «Слишком рано ещё», – раздражённо пробормотал писатель, бросив взгляд на часы и обнаружив там цифру семь. – «Неужели придётся торчать здесь до ночи?». С трудом отыскав кафе, он взял себе пива и уселся за столик.

С брезгливым любопытством Эдвард изучал шатающиеся столики и стулья, дешёвую протёртую клеёнку, пыльные заштопанные занавески и пышную грудь барменши, любезно протянувшей ему пачку сухариков в подарок к пиву. Барменша была на удивление вульгарной: толстая и неповоротливая, она отчаянно старалась выглядеть лучше и моложе своих лет, для чего щедро малевала губы ярко-бордовой помадой, а глаза – синими тенями. Пиво, разумеется, тоже оказалось на редкость гадким: выдохшееся, как будто разбавленное водой, в пластиковом стакане; но, тем не менее, писатель быстро залил его в себя и взял ещё одну порцию.

Ничего не происходило. Кафе пустовало. Просидев почти час, он так и остался единственным посетителем. Уже разочаровавшись было в своей затее, писатель махнул рукой и поднялся из-за стола, как дверь вдруг отворилась, и внутрь ввалились двое подвыпивших мужиков: «Маринка, зайчонок, привет! Нам как обычно!», с подозрением покосились на Эдварда, отвернулись и развалились на стульях.

– А я ему такой – Михалыч, ты осёл? Да, бл..., так и сказал! – ударил кулаком по столу тот, что помоложе, в чёрной шапке и грязном ватнике. Его лицо было сплошь усеяно

красными точками, пятнами и ямками, словно он только что переболел оспой. – Я перед этой свиньёй унижаться не собираюсь! Пошёл он...! Прораб хренов, молоток в руках в жизни не держал, а туда же...!

– Остынь, Санёк, – ткнул его кулаком в плечо старший товарищ, широкоплечий амбал с густыми бровями и маленькими бегающими глазками, – Без работы останешься, тебя твоя даже на порог не пустит!

– Да ёж твою медь, Митяй, ты...

«Пора!» – решил писатель, резко встал из-за стола и подошёл к их столику. Мужики непонимающе уставились на него; Санёк агрессивно прищурился:

– Тебе ещё чего надо?

В ответ на это писатель молча протянул руку, взял его стакан с пивом, медленно поднял и вылил ему на голову. Санёк был настолько шокирован столь внезапной наглостью, что забыл все ругательства, которые знал, и только тупо моргал глазами, уставившись на незнакомца. С его носа капало пиво.

– Немедленно извинитесь перед дамой за то, что ругались в её присутствии, – Эдвард обернулся на побелевшую барменшу, которая с ужасом тарачилась на него.

Мужики постепенно приходили в себя.

– Ах ты, интеллигент паршивый! – Митяй схватил писателя за грудки, как пушинку приподнял над полом и отшвырнул от себя. – Вали отсюда, пока цел.

– Нет, обожди! – подскочил Санёк. – Я тоже хочу за базар ему объяснить!

Однако прежде чем тот успел что-то предпринять, писатель поднялся на ноги и вдруг заехал ему кулаком по носу. Удар прошёлся по касательной и получился слишком слабым. Через секунду Эдвард уже валялся на полу под градом из кулаков и ударов, пытаясь закрыть руками голову, а локтями – рёбра. Мужикам надоело махать руками, и они принялись с воодушевлением пинать его ногами, матерясь и харкая на пол.

Барменша спряталась за стойкой и только тихо повизгивала:

– Ребята! Аккуратнее!! Не прибейте его случайно! Мне только трупа здесь не хватало!!

Наконец мужики успокоились, оставили его в покое и уселись обратно за столик. Митяй благодушно улыбнулся барменше и потребовал ещё пива. Писатель ползал по грязному линолеуму, делая слабые попытки подняться и сплёвывая кровь. Наконец он встал на четвереньки, но тут же согнулся и со стоном схватился рукой за живот. Его вытошнило. Митяй с отвращением поморщился, Санёк рассмеялся.

– Ладно, Сань, – широкоплечий залпом выпил своё пиво и дёрнул его за рукав, – Пора валить отсюда. Вдруг чего. Мне проблемы не нужны.

Тот было хотел ему возразить, но всё-таки послушался товарища и направился следом к выходу, переступив через из-

битого незнакомца и пнув его в бок на прощание.

– Что же это... Ой, Господи Иисусе! Совсем рехнулся? – подбежала к Эдварду женщина, – Нарываешься зачем? Ты как вообще, живой?

– Всё в порядке, спасибо, – поднял голову писатель и посмотрел на неё исподлобья. Женщина запричитала, глядя на его залитое кровью, распухшее лицо.

– Я тебя прошу, уходи отсюда! Не вздумай только полицию вызывать или ещё чего! Пойдём, пойдём, я тебя провожу. Ты как, идти можешь? На вот, выпей воды. Держи салфетки, кровь с лица сотри. Хочешь, Скорую вызову? Только не сюда, а к соседнему дому! Нет? Ну тогда сам давай как-нибудь...

Не замолкая ни на секунду, барменша прыгала вокруг него, помогала встать на ноги и, поддерживая за плечи, вела к двери. Эдвард буквально вывалился в темноту, стараясь справиться с головокружением и новым приступом тошноты. Он отполз в сторону, продышался, достал из кармана чудом уцелевший мобильник и вызвал такси.

Через час с небольшим он уже был дома. Красивая блондинка в чёрном шёлковом халатике на голое тело вскрикнула от неожиданности, едва её мужчина, слегка пошатываясь, вошёл в прихожую:

– Эдди, что с тобой?!

Он медленно сполз по стенке на пол и попытался ей улыбнуться:

– Всё в порядке, малыш, не волнуйся. Просто слегка подрался.

– Боже, ты же весь в крови и грязи!! Что случилось? Ты вызвал полицию? А Скорую? Тебе надо в больницу! – девушка уселась на пол рядом с ним и схватилась за телефон.

– Даже не думай! – резко крикнул мужчина, но тут же смягчился и нежно провёл пальцами по её щеке, – Амели, всё хорошо. Ну с кем не бывает. Обычная потасовка. Пропустил пару ударов по лицу. Но не сомневайся, им досталось не меньше.

– Им? Кому – им? Их было несколько? – испуганно всхлипнула блондинка.

– Да, их было двое. Так, обычные алкаши. Они напали на девушку, я за неё заступился.

Эдвард с удовольствием отметил восхищение, которое вспыхнуло в её глазах, и попытался как можно более равнодушно пожать плечами. Это движение причинило ему сильную боль. «Твою мать, только бы рёбра оказались целы!» – с досадой подумал он и полностью отдался ласковым рукам Амелии. Он позволил проводить себя в спальню, раздеть и уложить в постель. Девушка протирала его лицо и тело влажным полотенцем, трогательно ужасалась, заметив очередной синяк или кровоподтёк, и обрабатывала раны всем, что она только сумела отыскать в домашней аптечке: перекисью водорода, хлоргексидином, зелёной, какой-то мазью... Параллельно она забрасывала возлюбленного десятками во-

просов: «Что за девушка? Где это случилось? Как ты с ними справился?».

Писатель отвечал коротко и просто, но с большим достоинством. Мол, решил выпить в баре стаканчик пива, поразмышлять над новой книгой. Вышел покурить. Увидел, как двое пьяных мужчин тащат девушку к машине. Ввязался в драку. Против двоих пришлось трудно, но он держался. Тут подоспела подмога из бара. Негодяев скрутили и вызвали полицию. Ну а он, чтобы избавиться себя от лишних распросов, быстренько сбежал оттуда.

«Знаешь, я даже рад. Получил новый опыт. Для меня как для писателя это бесценно. Что? Я – герой? Написали бы об этом в интернете? Да брось! Мне только очередной хвалебной статейки от журналистов не доставало. Да и девушка эта ко мне привязалась с благодарностями. Вот я и сбежал – сразу к тебе. Чтобы ты не ревновала».

Амелия, закончив обрабатывать раны и не в силах скрыть восторг, принесла бутылку виски, разлила по стаканам, выпила залпом свою порцию и закурила. Писатель, слегка усмехаясь, наблюдал за ней. Виски обжёг его разбитые в кровь губы, зато притупил боль, которая крепко обнимала всё его тело.

– Амели, малыш. Ты меня просто спасла, оживила, привела в чувство! Что бы я без тебя делал.

Она наклонилась к его губам и, едва касаясь, поцеловала их, через секунду он ощутил жаркое дыхание на своей

шее, её язычок отправился в путешествие по его груди, потом она прикусила внутреннюю поверхность бедра и, наконец, добралась до пункта назначения. Эдвард шумно выдохнул и блаженно прикрыл глаза.

Вообще-то её звали Людмила. Но сокращение «Люда» казалось её возлюбленному слишком мещанским и даже пошлым, о чём он, не слишком церемонясь, открыто ей заявил. Поэтому с первого же дня знакомства он называл её Милой, а чуть позже почему-то трансформировал Милу в Амелию или просто Амели. Она сперва раздражалась и игнорировала его, когда слышала это новое, чужое для неё имя, но затем рассудила, что в этом есть какая-то изюминка. Эдвард и Люда – так себе звучит. А вот Эдвард и Амелия – совсем другое дело. Если они когда-нибудь поженятся, журналисты обязательно напишут об этом, а поклонницы писателя начнут кусать губы от злости и страстно завидовать ей. Поэтому всё должно быть красиво и максимально поэтично, и имена здесь играют совсем немаловажную роль.

Глава 9

«На контрасте с тёмно-синими мазками «Звёздной ночи» Ван Гога глаза моей возлюбленной сияют, как холодные бледно-голубые луны, а её губы нежны и горячи. Я сижу в кожаном кресле перед огромным панорамным окном, она сидит у меня на коленях и слушает мои истории. На барной стойке стоит открытая бутылка коллекционного шампанского, и ночь обещает быть долгой и приятной.

Теперь я знаю, что чувствует человек, когда его бьют по лицу. С детства я, надо полагать, был любимчиком Фортуны, раз меня ни разу не били и вообще никоим образом не обижали. Зато теперь мне представился прекрасный случай это узнать. Здесь мало приятного, скажу я вам. Прошло уже два дня, а боль меня не отпускает. Больно шевелиться, больно умываться. Лицо горит, всё тело ноет. Но тогда, в момент драки, я не чувствовал боли. Я весь превратился в чистый адреналин и кураж. Я не помнил себя и думал лишь о том, что должен одолеть своих противников. Ведь я защищал девушку; никто не знает, что сделали бы с ней эти подонки, если бы им удалось затащить её в машину, но я им слегка помешал. Я...».

Писатель Гудвин

Глава 10

Эдвард, ругаясь так, что стоящий на столе папоротник начал сбрасывать свои листочки, хлопнул крышкой ноутбука. Тусклое ноябрьское солнце редкими и робкими лучами коснулось его лица; писатель сделал глоток остывшего кофе и набрал на телефоне фразу «ремонт компьютера».

– Так... Это фирма. Это фирма. И это фирма. Не люблю я это. Мне нужны люди, – бормотал Эдвард, уткнувшись в экран, – Ага! Вот. Компьютерный мастер. Владимир Сорокин. 39 положительных отзывов. Прекрасно. Он-то и починит мне ноутбук.

Через три часа на пороге показался высокий молодой человек лет двадцати шести, с короткими светлыми волосами и небольшой бородкой. Одет он был самым обычным образом, в толстовку и джинсы. Ноутбук писателя он починил довольно скоро и взял с него неожиданно маленькие деньги.

– Странный вы человек, Владимир, – удивился Эдвард, когда мастер дважды повторил ему свою цену, – Это ниже среднего ценника. Я сравнивал на разных сайтах. Вы работаете сами на себя?

– Скорее подрабатываю, – слегка улыбнувшись, пояснил парень, – И не хочу заламывать цену. Ведь я починил ваш ноут за каких-то пятнадцать минут.

– Да, но ведь в наше время платят не за время, а за ре-

зультат! – возразил писатель.

– И тем не менее.

Мастер поднялся, давая понять, что разговор окончен, однако Эдварду вдруг стало слишком любопытно.

– Уж не считаете ли вы, что деньги – это вселенское зло? – весело спросил он.

– Нет, но я не гонюсь за ними. Мне хватает. У меня есть основная работа кроме этой, – спокойно ответил Владимир, рассматривая «Звёздную ночь» Ван Гога, занимавшую большую часть стены гостиной, – И мне глубоко противна нынешняя эпоха капитализма, где каждый из всех сил старается продать себя подороже.

– Да вы идеалист, Володя! – воскликнул писатель, – А вот представьте на секунду... Мой компьютер сломался, а я вам сказал, что там хранятся очень важные для меня документы. И что я за них готов что угодно отдать, готов заплатить вам любую цену, лишь бы вы их восстановили... И вот вы берёте ноутбук и обнаруживаете, что проблема совсем пустяковая, и вы в два счёта почините его! Однако... это не будет представлять столь большой ценности в глазах клиента. А если вы возьмёте его домой и будете чинить неделю, а потом, наконец, возвратите его мне, затребовав довольно большую сумму... то я, разумеется, вздохну с облегчением и с радостью её заплачу! Неужели вы и в таком случае не поддадитесь соблазну? И почините его сразу же? И снова назовёте вашу смешную цену?

– Да, – коротко ответил мастер и накинул на голову капюшон.

Прощаясь, Эдвард несколько пристальнее, чем этого требовала стандартная вежливость, вглядывался в лицо молодого человека.

Глава 11

«Сегодня я немного устал – может быть, именно поэтому в голове мелькают столь мрачные мысли. Особенно теперь, когда с трудом пробираешься сквозь толпу по этой заплесневелой, залитой водой улице. Особенно, когда все прохожие вокруг чертыхаются и грубо пихают каждого, кто мешает им пройти. Стало быть, очень торопятся с работы домой. Поскорее скинуть мокрую одежду. Поскорее выпить пива и проглотить незамысловатый ужин. Поскорее уставиться в телевизор или монитор.

А завтра – суббота. Единственный благословенный день недели для большинства из них. Кто-то отправится в ночной клуб. Стареющие гламурные красотки нацепят свои лучшие бриллианты и станут стрелять глазками, отчаянно стараясь найти секс на одну ночь, который непременно должен перерасти в счастливый и выгодный брак. Прилизанные мажоры придут покрутить модненькими гаджетами и приобрести предрассветную любовь на заднем кожаном сидении ценою в пару коктейлей.

Люди попроще проваляются целый день на диване, поглощённые захватывающими и необычайно остроумными телевизионными шоу. Вечером они будут пить дешёвое вино и жаловаться друг другу на жизнь, на мужчин, на женщин, на начальников, на политиков, в конце концов. А люди по-

смелее, может быть, даже позволят себе роскошь расслабиться после суровой трудовой недели в объятиях проституток и наркотического дурмана.

...Шаг, шаг, другой... Чёрт, ботинки уже промокли насквозь. А впрочем, неважно...

Уж лучше держаться подальше от всего этого. Жить своей жизнью, отыскивая в этой серой хаотичной толпе редкие драгоценности – настоящих людей. Которые не боятся кричать во весь голос или смеяться, когда им этого хочется. Которых не пугает смелость суждений и саботаж стереотипов. Которых мало волнуют блестящие ценности и глянец – им нужна свобода и душа. Слова, позабытые в современном обществе...

Что-то я стал слишком нервным. Иногда мне кажется, что этот город медленно убивает меня, высасывая по капле кровь. Иногда я его презираю. Не знаю, вправе ли я. Кто я такой сам? Нет, я не философ, не идеалист, не моралист и уж тем более не революционер. Я всего лишь реалист, да такой, каких ещё поискать. И эта реальность мне определенно не нравится.

...Парень, угостишь сигареткой? – Не курю. – коротко бросаю я, поднимая мокрый воротник пальто...

А ведь раньше я был таким же, как *они*. Пересчитать мои жизненные ценности и интересы можно было по пальцам одной руки. Я тогда полагал, что это вполне естественно. Ничто не волнует, ничто не будоражит, ничто не окрыляет. Спокой-

ствие превыше всего! Прочь всё, что рождает тревогу – как говорил один известный фантаст. Главное, чтобы диван был мягким, одежда – брендовой, а работа – престижной. Само-реализация, творчество, высокие стремления, мысль? – что это, как, зачем? Слова из пыльных книжек, не более.

Я твёрдо знаю одно – я должен найти. Я должен найти что-то важное. Самое главное. Я должен понять. Разобраться. Я разглядываю мир с разных сторон. Я хочу вывернуть его наизнанку. И я сделаю это, если придётся. Нет, я не одержимый фанатик и не мечтатель. Я просто уверен: жизнь – нечто гораздо большее, чем привыкли думать люди...».

Писатель Гудвин

Глава 12

Эдвард сидел на диване и пил третью чашку кофе за последние несколько часов. Сердце взвинчивалось почти до предела и начинало отстукивать ритм жизни сильнее и как-то яростнее, в груди слегка першило, а восприятие окружающей действительности становилось максимально чистым и острым. Ему нравилось это ощущение.

Настроения писать не было. Он просто сидел, смотрел в стену с однотонными чёрными обоями и нырял, словно с вышки, в свои воспоминания.

Алина... Маленькая влюблённая дурочка, которая готова была воду пить из его рук и жадно заглядывала ему в рот при каждом слове. Она ему очень помогла в создании одной из книг. На её примере он подробно изучил все разновидности наивных женских мечтаний, неоправданных ожиданий и бесконечной готовности принимать и прощать. Он изменял ей, придумывая десятки нелепых оправданий, и каждый раз она ему покорно верила. В конце концов, он получил всё, что хотел, и ему это надоело.

Элеонора... Яркая и эффектная черноволосая стерва. Богиня в постели и одновременно уточнённого ума женщина. Она бросила его после того, как он неудачно пошутил: однажды вечером надел маску, подкараулил её возле подъезда и затащил под лестницу. Ему нужно было узнать, что чув-

ствует женщина, подвергаясь насилию. Для книги, разумеется. Увы, увидеть и понять этого он не успел – она так яростно отбивалась, что стащила с него маску. И даже слушать ничего не стала. Не оценила, так сказать, его юмор и высокую цель.

Ольга... Мнила себя такой же творческой и возвышенной натурой, как и он сам. Вместе с ней он совершил множество путешествий в заоблачные дали. Им помогали чудодейственные препараты: белый порошок, который иногда так приятно втягивать в нос; высушенная смола, пары которой вдыхают перед отправлением в лучшие из миров; семена некоего гавайского цветка, которые обостряют все чувства и ощущения до предела и позволяют получать оргазм от простого поглаживания ладонью по плечу... Увы, вскоре ей надоели эти игры; она испугалась. Впрочем, он и сам не прочь был завязать – опыта и впечатлений получил достаточно, а чистый незамутнённый разум писателю ещё пригодится.

– Мне нужен новый герой, – пробормотал вдруг Эдвард, – Сколько уже можно писать про себя и про женщин.

Писатель медленно встал, подошёл к окну, прижался лбом к пыльному стеклу и застыл. Где-то внизу маячили туда-сюда тусклые грязные машины. Потом он обернулся и, словно обращаясь к невидимому собеседнику и радуясь какой-то внезапной мысли, с лёгкой улыбкой произнёс:

– А этот парень, компьютерный мастер. Володя. Забавный такой. Да, пожалуй, он мне вполне подходит!

Глава 13

«Ещё в детстве, на самой заре своей писательской карьеры, я понял одну простую вещь: не пиши о том, чего не знаешь. Не выдумывай. Не обманывай своего читателя. Ты просто не имеешь на это права. Знаете, как учат начинающих актеров? Не притворяйся, не изображай эмоцию. А вспомни, как ты сам переживал её однажды. Мысленно вернись в ту ситуацию – и прочувствуй эту эмоцию снова. Проживи её на сцене. По-настоящему. Тогда твоя игра будет иметь успех. Только так ты сможешь выглядеть достаточно убедительно.

По моему глубокому убеждению, писатель – это тот же актёр. И чем богаче его жизненный опыт – тем больше в нём того, чем можно смело поделиться с читателем. Вот почему все эти годы я по крупницам собирал то самое бесценное, что только есть в жизни – опыт. С яростным рвением утопающего хватался я за каждую возможность испытать нечто новое, ощутить ранее неизведанное, открыть для себя ещё одну грань жизни, чувств, красоты, боли, добра, зла... Я наполнялся и питывался широчайшим спектром эмоций, ощущений, переживаний.

Да, иногда мне приходилось играть, в том числе на чувствах других людей. Иногда мне приходилось причинять боль. Иногда – испытывать боль самому. Я исследовал человеческие души, пороки, желания, слабости «от» и «до» –

и в том числе свои собственные. Я побывал в двадцати трёх странах, умыл лицо в четырёх океанах и увидел около сотни городов. Я действовал в познании мира все пять органов чувств. Я нюхал кокаин и розы в королевском саду в самом сердце Вены. Я смотрел на рассветы над вулканами Камчатки и на то, как бьётся в рыданиях прекрасная наивная девушка, услышав моё признание в том, что я никогда её не любил и мне только нравилось с нею играть. Я слушал угрозы и ругательства в свой адрес и слушал, как слепой скрипач виртуозно играет Вивальди на набережной Дуная в Будапеште. Я ощущал, как улетаю в заоблачные дали под горячим дыханием красавицы где-то между моих ног и ощущал невыносимую боль во всём теле. Я знаю, каково на вкус дорогое чилийское вино с терпкими нотками перца и кардамона и я знаю вкус крови во рту.

Я – актёр, я – знаток человеческих душ, я – психолог и я – художник. Всё это – палитра моих красок, копилка моих воспоминаний, хранилище бесценного опыта. И мне есть, чем поделиться с миром. Завернув все пережитые эмоции и ощущения в виртуозную обёртку слов и мыслей, я смогу передать это вам, тем людям, кому тоже любопытно узнать – а каково это? – но кто никогда в жизни не осмелится испытать хотя бы одну десятую моего опыта на себе!»

Писатель Гудвин

Часть 2

Глава 1

Тропинка вдоль Невы на окраине города была сплошь устелена чёрными подгнившими листьями. Слева дремала вода, прозрачная и бесцветная, как и весь ноябрь. Вдали виднелись воздушные очертания вантового моста, летящего над рекой. Справа тянулись небольшие возвышенности, усеянные деревьями и кустами, где-то там, наверху, была дорога, по которой в полдень лишь изредка проезжали машины.

Владимир медленно шёл вперёд, сосредоточенно глядя себе под ноги – уж слишком скользкой была сегодня грязь, и пару раз он едва не слетел с тропинки в воду. Вокруг него носился пёс, молодой и весёлый кобель золотистого ретривера. Словно жёлтое пятно, он радостно мельтешил то там, то здесь, высунув язык наружу; то он взбирался на холм, то через секунду уже спускался обратно к реке. Он задорно шлёпал лапами по мокрому песку и грязи, пугал ворон и вгрызался зубами в разбросанные вокруг палки, сломанные ветки и деревяшки, оставшиеся от летних костров.

– Вот уроды! – пробормотал Владимир, наткнувшись на осколки разбитой бутылки. Он поспешил спихнуть их с тропинки носком сапога, чтобы его пёс не поранил лапу,

как уже неоднократно случилось. Потом присел на поваленное дерево, вытащил пачку «Парламента» и закурил.

– Рэй! Рэй, ко мне! – позвал он пса, который увлечённо гонял чаек, бегая по грязной воде. Пёс послушно прибежал, ткнулся в него мокрым носом и тут же умчался по своим делам дальше.

Резкий стук в этой прозрачной тишине, которая одеялом окутывала пустынный берег реки, заставил его вздрогнуть. Владимир поспешно поднял голову, но тут же успокоился: звук доносился с грузовой баржи, стоявшей на воде неподалёку. Он присмотрелся и различил фигурки матросов, снующих по палубе. Перевёл взгляд левее и приметил маленькую надувную лодку с двумя рыбаками. Поёжился: «И что они здесь делают в такой холод?».

Прошла уже неделя с тех пор, как он получил первое письмо. Вынул из почтового ящика продолговатый чёрный конверт без адреса и подписи, в котором оказалась странного содержания записка: «Володя, будь осторожнее. Не выходи лишний раз из дома. Не то нарвёшься на неприятности». Чей-то идиотский розыгрыш. Разумеется, он скомкал это письмо, выбросил в мусоропровод и тут же забыл о нём. Однако после этого угрозы начали приходиться каждый день – уже по почте электронной. «Помнишь, о чём мы тебя предупреждали?»; «Пожалуйста, будь благоразумен. Сиди тихо и не высывайся»; «Володя, я бы посоветовал тебе бежать из этого города». Как ни старался Владимир, он не смог от-

следить IP-адреса, с которых были отправлены письма. Это порядком действовало на нервы.

«Этот шутник у меня доиграется!» – зло пообещал Владимир, прочитав сегодня утром очередную записку. – «Он что, всерьёз думает, что я поведусь на этот детский сад и испугаюсь его бредовых записочек?»».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.